

Мария Андреевна Бекетова

Шахматово. Семейная хроника

Мария Бекетова

Шахматово. Семейная хроника

«Public Domain»

1930

Бекетова М. А.

Шахматово. Семейная хроника / М. А. Бекетова — «Public Domain», 1930

«Шахматово сыграло большую роль в истории и развития творчества Блока. И, конечно, не одно только Шахматово, а весь уклад той семьи, которая проводила в нем лето многие годы подряд. На месте уютной шахматовской усадьбы теперь зеленая заросль, нет ни дома, ни служб, ни того флигеля, где жил когда-то Блок-ребенок, а позднее юный поэт со своей женой. Куртины розового шиповника на широком дворе слились с кустами алых прованских роз, окружавших флигель, – сад, примыкавший к дому, загдох, и старые липы уже начинают рубить. Многих из обитателей и посетителей бывшего поместья Бекетовых уже нет на свете. Сама я не была там с 1917 года, но знаю о постепенном его разорении от моих племянников Кублицких, которые время от времени посещают Шахматово и сообщают мне все новости об этом уголке, столь любимом когда-то Блоком...»

© Бекетова М. А., 1930

© Public Domain, 1930

Содержание

Предисловие	5
Вступление	6
Глава I	7
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Андреевна Бекетова

Шахматово. Семейная хроника

Предисловие

Шахматово сыграло большую роль в истории и развития творчества Блока. И, конечно, не одно только Шахматово, а весь уклад той семьи, которая проводила в нем лето многие годы подряд. На месте уютной шахматовской усадьбы теперь зеленая заросль, нет ни дома, ни служб, ни того флигеля, где жил когда-то Блок-ребенок, а позднее юный поэт со своей женой. Куртины розового шиповника на широком дворе слились с кустами алых прованских роз, окружавших флигель, – сад, примыкавший к дому, загдох, и старые липы уже начинают рубить. Многих из обитателей и посетителей бывшего поместья Бекетовых уже нет на свете. Сама я не была там с 1917 года, но знаю о постепенном его разорении от моих племянников Кублицких, которые время от времени посещают Шахматово и сообщают мне все новости об этом уголке, столь любимом когда-то Блоком.

Теперь уже Шахматово с его прошлым становится легендой. Вот это-то прошлое и хочу я восстановить во всей его жизненной правде, отразив окружение Блока, которое способствовало развитию его таланта. Я начну свой рассказ с той поры, когда Шахматово стало достоянием семьи Бекетовых, за пять лет до появления на свет будущего поэта.

Вступление

Шахматово куплено моим отцом А. Н. Бекетовым в 1875 году¹. То было время назревающего балканского вопроса. Русские добровольцы стремились на Балканы за генералом Черняевым. Достоевский был занят «Дневником писателя» и тоже балканским вопросом, Толстой печатал в «Русском Вестнике» «Анну Каренину». Тургенев царствовал в «Вестнике Европы». «Отечественные записки» с жадностью читались либералами и народниками. Главным образом поглощались щедринские очерки, с упоением расшифровывался знаменитый эзоповский язык, повторялись словечки... Тургенева многие предпочитали даже Толстому и Достоевскому. То было время передвижных выставок и направленства во всех искусствах, не исключая и музыки.

¹ Шахматово было куплено осенью 1874 г., а лето 1875 г. – первый сезон, проведенный Бекетовыми в имении (см.: Станислав Лесневский. Путь, открытый взорам. М., с. 29–30).

Глава I

Сестры Бекетовы

*В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья...*

(А. Блок. «Возмездие»)

Состав семьи Бекетовых, дух которой великолепно схвачен в «Возмездии», фактически рознился от того, что представлено в поэме. «В семье не чопорно росли» не три, а четыре дочки. Четырех трудно бы было втиснуть в ямбы. Старшая – Катя (Екатерина Андреевна), будущая писательница, умерла, когда поэту было 11 лет, от нее остался у него в памяти бледный облик, не попавший в поэму. Вторая – Соня (Софья Андреевна) попала в старшие сестры, третья – Ася или Аля (будущая мать поэта, Александра Андреевна) превратилась в меньшую, а четвертая – Маня или Маля (Мария Андреевна), автор этой книги, оказалась старше предыдущей Аси.

Последнее, т. е. перестановка двух младших сестер, имело полное основание, так как и в детские, и в молодые годы я часто играла роль старшей сестры для Аси. Я была солиднее, выдержаннее, серьезнее, а она сорванец и всеобщий баловень. Характеристики трех сестёр в общем очень верны, но вот как было на самом деле.

Четыре сестры Бекетовых составляли две неразлучные пары. В первой были Катя и Соня, во второй Ася и Маня. Каждая пара являла собой два разных типа, связанных дружбой. Катя и Ася были живые, кокетливые, откровенные девушки с ярко выраженной индивидуальностью и склонностью к деспотизму или, по меньшей мере, к преобладанию. Обе, не стесняясь, говорили о своих увлечениях и неудержимо стремились к завоеванию жизни. Ася, с более сильным темпераментом, была непосредственнее, добрее и ласковее Кати. Мы с Соней были менее горячи, менее ярки, но более постоянны, глубоки и скромны. Романтичны были все четыре. Я соприкасалась с Катей своей любознательностью и склонностью к точному знанию. Нам с ней обеим было «всегда не лень учиться». Ася и Соня учиться не любили и способностями уступали нам с Катей. Всех заметнее и способнее была старшая сестра, у которой была блестящая память. Все давалось ей чрезвычайно легко, но не оставляло глубоких следов на ее мирозерцании и вкусах. Кроме того, она быстро охладевала к своим занятиям. У нее были изрядные способности к рисованию, она несколько раз принималась брать уроки живописи, но вскоре бросала их и, овладев рисунком, остановилась на плохой акварели. К языкам она была тоже очень способна, из нее вышла хорошая переводчица, менее яркая, но более точная и литературная, чем наша мать, так как у матери был настоящий талант, а у нее только известная даровитость.

Следующая по способностям была я. Я вообще хорошо училась, но брала не памятью, а сметкой и рвением. У меня была сильная склонность к математике и к музыке, но мои способности к языкам были гораздо слабее. Все мы отличались даром слова и любовью к литературе и были сильны в русском языке.

Сестра Соня была вообще довольно ленива, но ей легко давались языки. Она хорошо говорила по-французски и по-английски, причем отличалась необыкновенно изящным выговором.

Катя знала также немецкий, итальянский и даже испанский языки. Ася училась очень неровно, к языкам была не более способна, чем я, что не помешало ей в будущем сделаться

хорошей переводчицей, но она знала только французский язык, а я переводила с французского, немецкого и польского. Самая блестящая из нас была Катя, а самая оригинальная Ася.

По наружности сестры Бекетовы тоже представляли два типа. Соня и Ася были очень женственны, с волнистыми линиями тела и округленными лицами. Мы с Катей худые, с угловатыми фигурами. Катя была совсем не женственна, но, что называется, интересная. У нее был нежный цвет лица, живые и переменчивые глаза с темными бровями и длинными ресницами, довольно тонкий профиль и пышные пепельные волосы, которые она разнообразно и красиво причесывала. Соня была белокурая, розовая, очень свежая и миловидная девушка небольшого роста. Талия в рюмочку, английские локоны и мечтательный вид – такова она на портрете невестой за двадцать лет. Асю я уже описывала не раз.

Одни находили, что всех красивее Катя, другие предпочитали Асю, но Ася была, несомненно, привлекательнее Кати и больше нравилась мужчинам. Соня была очень миловидна и привлекала своей целомудренной тихой женственностью. Единственная несомненная дурнушка была я, хотя очевидцы уверяют, что я была не так дурна, как казалась себе самой. Прибавлю однако, что я никогда не завидовала сестрам, всегда восхищалась их наружностью и гордилась их победами. Зато Катя и Ася вечно соперничали между собой по части успехов. Катя, что называется, затирала младших сестер, не давая им ходу. Мы с Соней не предьявляли никаких протестов – отчасти по миролюбию, отчасти по скромности и из гордости, но Ася была не из тех, кто способен был уступить в том случае, если хотели ее затушевать и отодвинуть на задний план. Она не отбивала чужих поклонников, но за свое право веселиться и нравиться очень держалась и порядочно воевала с Катей. Положение Кати в семье было особое. Ее сильно отличали от других дочерей родители, особенно отец. Ей внушено было, что она существо высшего порядка: и умнее, и красивее, и крупнее сестер. Он прямо говорил нам, что по сравнению с ней мы «мелко плаваем». Отец наш нежно любил и баловал нас всех, но его пристрастие к Кате было уже выше всякой меры. Это портило наши отношения с ней, а главное – сильно вредило ей самой, т. к. дурно влияло на ее характер и манеру себя держать и выставляло ее в невыгодном свете. Все это со временем сгладилось, но в молодые годы было очень остро.

В заключение скажу о том, где и как учились сестры Бекетовы. Сестра Катя получила почти целиком домашнее воспитание. Ей нанимали учителей истории, географии, математики и т. д. . . . Русскому языку она училась больше по книгам, а французскому – у матери, остальным научилась впоследствии собственными силами: немецкому – во время заграничной поездки, уже за двадцать лет, без всяких уроков; итальянскому и испанскому – при помощи грамматики и словаря, а читала в подлиннике «Божественную комедию» Данте и испанских классиков; систематически училась она только английскому языку, для чего, уже взрослой, брала уроки у англичанки. Сестра Соня училась французскому языку у матери и в гимназии, английскому – только в гимназии, а говорила на обоих языках лучше Кати, которая тоже на них говорила. Мы с Асей, гораздо менее способные к языкам, плохо говорили по-французски, учась сначала у матери, а потом в гимназии. Ася дальше французского языка не пошла, а я, учась только в гимназии, читаю и совсем плохо говорю по-немецки, могу читать с грехом пополам английские книги и самые легкие итальянские. Еще выучилась польскому языку – свободно читаю и плохо говорю. Все сестры, кроме Кати, учились в гимназиях – Соня в частной, мы с Асей в частной и в казенной. Можно смело сказать, что отец своим непомерным баловством всячески мешал нам учиться. При малейшем дожде он отговаривал нас идти в гимназию и совершенно не признавал авторитета учителей. Когда мы рассказывали, что кто-нибудь из них сделал нам замечание или в чем-нибудь нас не одобрил, он тут же объявлял, что они дураки и ничего не понимают. Мать же, напротив, всегда поддерживала авторитет учителей и гимназического начальства и требовала от нас исполнения долга – насколько это было возможно при столь баловливом отце.

В конце шестидесятых годов открылась в Петербурге первая частная женская гимназия Спешневой. Она помещалась в скромном деревянном домике с небольшим садом в 4-ой линии Васильевского Острова, откуда перешла вскоре в довольно роскошное помещение во второй линии близ Большого проспекта. Содержательница гимназии (урожденная Черепанова) была женщина просвещенная и не глупая, но слишком самолюбивая и властная. В гимназии была большая программа, близкая к размерам программ мужских гимназий, особенно напирала на математику, физику и химию. В старших классах ввели даже для желающих классические языки, которые могли быть полезны для поступающих на открывшиеся в то время Высшие женские курсы. Французский, немецкий и английский языки преподавали иностранки. Учителей нанимали с большим разбором, впрочем все-таки не всегда удачно. В подготовительном классе было введено наглядное обучение и другие приемы немецких педагогов, о чем я скажу подробнее ниже. Между прочим, преподавалось чистописание, и введена была гимнастика, причем некоторые движения мы проделывали под собственное пение примитивных мотивов, с банальными словами вроде следующих: «Утро проснулось, солнце взошло. Все встрепенулось и все ожило». Танцы не преподавались, но уроки пения давал известный в то время Горянский, плохие песни которого мы часто исполняли в классе, но взрослые ученицы, близкие к выпуску, пели такие сложные вещи, как хоры из «Stabat Mater» Россини. Были введены и специальные уроки картонажного и переплетного мастерства, из-за которых нас держали до 5-ти часов вечера. Я, между прочим, очень любила эти уроки, тем более, что преподаватель был очень симпатичный.

В гимназии были всевозможные пособия вроде чучел птиц и зверей, которые приносились на уроки зоологии. Классы были обставлены уютно, не на казенный лад: у маленьких были парты, а в средних и старших классах длинные столы, покрытые зеленым сукном, за которыми сидели ученицы, которых, особенно вначале, было немного. Рисованию обучали, конечно, тоже. Во время большой рекреации девочек младших классов выпускали в сад, введены были вначале, конечно, за плату, сытные завтраки с горячим молоком и мясными блюдами.

Сестры Соня и Ася поступили в гимназию лет 9-ти и 11-ти. Я так приставала к матери, скучая без сестер, особенно без Аси, что и меня отдали в гимназию в возрасте семи лет, когда старшие гимназистки принимали меня по росту за пятилетнюю и ласкали, как маленькую. Я была довольно бойка и порядочная попрыгунья, читала совсем свободно и осмысленно, умела писать и считать, а, главное, была гораздо развитее своих подруг. Помню, как какой-то педант, учитель с немецкой фамилией, заставлял нас точно формулировать, где стоит, например, данный стул. На этот вопрос в требуемой форме могла ответить одна только я. Класс повторял за учителем и за мной раз 10 одно и то же, что было невыносимо скучно и вряд ли полезно. Учитель русского языка, поживее того, заставлял нас описывать что мы видим на картине, где изображено было в красках – на верхнем плане поле и пахущий крестьянин, на нижнем – ржаное поле со жнищами. Мы должны были повторять 20 раз кряду в одних и тех же выражениях эти нехитрые описания в самом сухом, буквальном изложении. Я от души возненавидела все эти картины и упражнение, явно заимствованное из немецкой педагогики, а позднее связала с ними пошловатое стихотворение Майкова:

Пахнет сеном над лугами.
Песней душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Стихи эти я невзлюбила тем более, что учитель заставлял нас произносить их, нарушая ритм, т. е. останавливаясь с ударением после слова «ходят».

Марья Петровна Спешнева была женщина еще молодая и обаятельная. Все гимназистки ее обожали и смертельно боялись. Таково было ее моральное воздействие без применения каких бы то ни было наказаний. Помню, как я, девочка далеко не робкая и в то время довольно самоуверенная, от смущения не могла петь в ее присутствии, когда меня вызвал Горянский, сказав предварительно Марье Петровне, как я хорошо пою для своих лет (мне было в то время лет восемь, и я отличалась особенно верным слухом). Обязанности инспектрисы исполняла приятельница Марии Петровны, розовощекая старая девица с локонами, очень добрая, но глупая и педантка Мария Дмитриевна. В гимназии был очень строгий режим. Требовалось не только прилежание и хорошее поведение, но и строгость в костюме. Ученицы носили форму: коричневое платье с черным передником, но если девочка надевала, например, брошку, Мария Дмитриевна делала ей выговор в мягкой, но скучной форме, вроде следующего: «Ты хочешь показать, что у тебя есть брошка, Ляля? Аня Иванова, пойди сюда». Аня подходила. «Скажи, Аня, у тебя дома есть брошка?» – «Есть, Мария Дмитриевна». «Вот видишь, Ляля, у Ани тоже есть брошка, а вот она ее не надела. Никогда не носи в гимназии брошку, сними ее». Таким путем преследовалось тщеславие.

К числу особенностей этой гимназии относилось такое, например, правило: девочки должны слушаться не родителей, а гимназическое начальство. Однажды у сестры Сони заболело горло. Опасного ничего не было, мать отпустила ее в гимназию, завязав ей горло белым полотняным платком. Увидав Соню, Мария Дмитриевна немедленно начала допрос: «Почему у тебя завязано горло, Соня?» – «У меня болит горло, Мария Дмитриевна». – «Сними сейчас же платок». – «Мне мама велела его носить». – «Это все равно. В гимназии ты должна слушаться меня, а не маму. Если я говорю, чтобы сняла платок, ты должна его снять». При этом Мария Дмитриевна выговаривала не «гимназия», а «гимназдя», а голос у нее был как из бочки. Ее не боялись, но не любили.

Кстати, о педагогических упражнениях Марии Дмитриевны я могу сообщить, что сестра Катя тоже пробыла в гимназии Спешневой около года в одном из старших классов. Она училась, конечно, прекрасно, благодаря своим блестящим способностям, но у нее произошел неприятный инцидент с Марией Дмитриевной, которая ее, далеко не плаксу и очень гордую девочку, довела до слез, отчитывая за то, что она пришла в гимназию в черном платье с красными бантами. Дома она не привыкла к выговорам, а Мария Дмитриевна порядком ее распустила. После этого случая Катя уже не вернулась в гимназию.

Не этот ли эпизод с красными бантами послужил Блоку, вероятно, слышавшему о нем от матери, прототипом к той красной косоплетке, о которой говорится на страницах «Возмездия» при обрисовке характера младшей сестры:

...Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводить начальницу в испуг...

Однажды в гимназии Спешневой произошел случай, очень характерный для нравов начальницы и ее отношения к ученицам. Пригласили новую учительницу французского языка, мадмуазель Б. Я хорошо ее помню: брюнетка средних лет с желчным и злым лицом. Она оказалась очень неприятной, так что девочки ее невзлюбили. Само собой разумеется, что они рассказывали дома про эту учительницу, жалуясь на ее несправедливости и резкий характер. Через несколько месяцев после ее поступления в «Петербургском листке» появилась статейка на ее счет. Кажется, даже была названа ее фамилия и гимназия, в которой она преподавала. Газетка попала в руки Марии Петровны. В тот же день она созвала после классов всю гимназию. Ученицы почувствовали, что готовится что-то необычайное, и сразу пришли в нервное

состояние. Среди гробового молчания Мария Петровна, бледная и взволнованная, спросила значительным тоном: «Дети, кто из вас рассказывал дома про m-lle Б?» Разумеется, таких было много, но все до того боялись Марии Петровны, а обстановка была столь торжественная, что гимназистки молчали, и одна только я, со свойственной мне преувеличенной добросовестностью, решилась признаться в том, что явно считалось предосудительным. Я выступила вперед из рядов прочих девочек и пропищала: «Я рассказывала, Мария Петровна». Мне было в то время лет 8, а на вид не больше шести, но неумолимая начальница не только не похвалила меня за честность, но, наоборот, наказала своим презрением, объявив, что она не подаст мне руки (!). Я была в отчаянии от этого проявления ее гнева и по дороге домой горько плакала. Но эпизодом со мной еще не кончилась эта сцена, которую устроила Мария Петровна. Она подошла к одной из старших девочек и сказала патетическим тоном, показав на нее пальцем: «Я знаю, кто больше всех рассказывал дома про m-lle Б. Это вы, Мейнгардт». Эффект был поразительный. Румяная и обычно спокойная девушка с милым лицом и двумя прекрасными косами упала в истерику, после чего во многих углах послышался плач и рыдание. Мария Петровна объяснила всю чудовищность поведения Мейнгардт. Что было дальше, не помню. Должно быть, нас с Асей поскорей увела домой рассудительная Соня, которая вообще опекала нас, как старшая сестра. Хорошо помню, как в дождливую погоду она брала нас с Асей с двух сторон под руку, а сама держала над всеми тремя большой дождевой зонтик.

Помимо многих недостатков Спешневской гимназии ее можно все-таки помянуть добром. Там много, и по большей части хорошо, учили. Общий недостаток был тот, что многие учителя слишком много задавали уроков, чем сильно утомляли учениц. Лучше всего преподавалась почему-то математика во всех ее областях. Особенно хороши были учитель геометрии Страннолюбский и учительница арифметики Таганцева, сестра известного юриста и профессора, в руки которой перешла впоследствии гимназия Спешневой, которую она вела в том же строгом духе, но без истерических сцен. Из иностранок самая талантливая была уже старая, но все еще красивая m-lle Дюбю, а всего милее англичанки, которые все, как на подбор, были хорошенькие. Особенно две из них напоминали ангелов со старинных картин: высокие, белокурые, стройные, с прелестными, бледными лицами и тонкими чертами. Хуже всего преподавалась география. Помню двух учителей. Один из них – литвин или белорус Махвич-Мацкевич – был очень живой, но мало сведущий и, кроме того, замучил нас, заставляя заучивать наизусть цифры, обозначающие точки, где скрещивались меридианы и параллели главных пунктов той ломаной линии, которая обозначала очертания материков. Другой учитель, Обломков, был крайне сух и преподавал свой предмет с чисто внешней стороны, вследствие чего география казалась мне невыносимо скучной.

В четвертом классе у меня начались такие головные боли, что меня взяли из гимназии Спешневой, прихватив за компанию уж и Асю, и обоих нас отдали в соответствующий класс Василеостровской казенной гимназии, помещавшейся в IX-ой линии, где нам сначала почти нечего было делать. Единственный предмет, к которому пришлось серьезно готовиться, был Закон Божий, т. е. собственно катехизис, до которого мы еще не дошли у Спешневой. Сестра Соня, дойдя до последнего класса гимназии Спешневой, ушла оттуда, не кончив экзаменов; Асю взяли из последнего класса казенной гимназии по нездоровью: у нее оказался, как следствие скарлатины, бывшей в раннем детстве, порок сердца, который в то время был еще в зачаточном состоянии, так что она отлично могла бы кончить курс в легкой гимназии и, вероятно, не так рано бы вышла замуж и была бы счастливее и здоровее, а, впрочем – тогда не было бы, пожалуй, и всего последующего, т. е. Ал. Блока и его стихов...

Веселая и шаловливая Ася, конечно, не противилась воле родителей и охотно покинула гимназию. Таким образом, вышло, что курс в гимназии кончила только я, невзирая на головные боли, которые продолжались, и это было только потому, что мне так хотелось и нравилось.

Казенная гимназия оказалась полной противоположностью частной; программа была бесконечно меньше: после арифметики проходили только начатки геометрии и алгебры, естественные науки преподавались в минимальном размере и т. д. Вместо гимнастики, разумеется, были танцы, которым учил балетмейстер. Хороших учителей, т. е. талантливых, было мало, лучшим из них был В. Диковский, который преподавал историю и русский язык, причем иногда прекрасно читал нам вслух кого-нибудь из классиков и заставлял нас читать, например, отрывки из пушкинской «Полтавы», распределяя по ролям диалог Марии и ее матери, пришедшей к дочери перед казнью Кочубея.

Начальница была представительная дама с изящным французским языком. Она была умная и тактичная женщина и не донимала нас принципами и строгостями. Девочки одевались, как хотели – не без бантиков и брошек, при встречах с начальством и учителями должны были делать глубокие реверансы по всем правилам танцевального искусства. В этой специальности особенно преуспевала Ася, которая была очень грациозна. Перед началом и концом классов мы пели молитву, чего не было в частной гимназии. Раз в год бывали ученические концерты с пением и декламацией. Вообще в этой гимназии жилось легко, не то, что <у> Спешневой, но все же гимназическая учеба смертельно мне надоела. Так что я была очень рада, когда распростилась с гимназией. Я была бы очень не прочь поступить на Бестужевские курсы, но родители меня туда не пустили по слабости моего здоровья, которое действительно было сильно расстроено. Вместо того я усиленно занялась чтением, а главное – музыкой. К сожалению, я вскоре бросила уроки рисования, которые брала в школе Общества поощрения художеств. Я сделала это главным образом потому, что мне трудно было ходить пешком из ректорского дома на Б. Морскую, где помещалась школа, а денег на извозчиков у меня не было. А между тем способности к рисованию у меня были: из меня бы не вышла настоящая художница, но живопись, хотя бы акварельная, принесла бы мне очень много радостей. Но я углубилась в музыку, то есть стала брать уроки игры на фортепьяно, что принесло небольшие результаты, но еще больше расстроило мое здоровье. На Бестужевские курсы поступила Катя, предварительно выдержав в специальной комиссии, как и Соня, экзамен на домашнюю учительницу. Начав с блеском, Катя, по обыкновению, бросила это дело, на полдороге и ушла с курсов. А уж мечтала вместе с отцом о будущем профессорстве и о том, как она появится на кафедре в черном шелковом платье. Причиной ухода сестры моей с курсов на этот раз было нечто, не от нас зависящее: ее злостно травил некая курсистка, которая имела виды на одного из молодых профессоров, читавших на курсах. Он был очень близок у нас в доме, и она думала без всякого основания, что он Катин поклонник и будущий жених, и потому подстраивала сестре моей такие каверзы, которые действительно трудно было переносить. Из всего сказанного видно, сколько слаб был к своим дочерям мой отец, так ревностно насаждавший высшее женское образование.

Глава II

Отец

Родители мои были люди выдающихся и разнообразных дарований, а характерами своими создавали тот светлый, радостный тон, которым окрашена была наша деревенская жизнь. В 1875 году, с которого начинается моя летопись, отцу нашему было 50 лет. Он был очень крепкий и здоровый человек, почти не знавший болезней. В молодости он был некрасив, но в зрелом возрасте его наружность приобрела привлекательность и приятность. Его находили даже красивым. Такую счастливую перемену нередко замечала я в людях, перешедших юношеские тревоги, но только в том случае, если они вели умеренный образ жизни и не знали ни бурь, ни разрушительных страстей, к одной из которых я причисляю болезненное самолюбие, так как, по моему наблюдению, большие эгоисты и большие самолюбцы никогда не хорошеют к старости. Мой отец не страдал ни излишним эгоизмом, ни болезненным самолюбием. Темперамент у него был сильный, но без всякой склонности к патологии, и при этом большие семейные склонности. В 50 лет он сохранил прекрасную мужественную фигуру, держался прямо, был неутомимый ходок. Его привлекательность происходила главным образом от выражения лица – открытого, доброго и вообще симпатичного. Хорош у него был только умный, спокойный лоб и пышные седины. Он поседел очень рано, и его густейшие курчавые волосы, а также мужественные длинные усы и борода, несомненно, скрадывали недостаток черт и овала лица. Живая речь и быстрые движения делали облик его молодым, несмотря на раннюю седину; откровенный, непосредственный и пылкий характер придавал ему что-то детское. Он был веселый, нежный отец, всегда готовый не только потакать всем шалостям своих детей, но даже сам иногда в них участвовать. Очень вспыльчивый, но чрезвычайно добрый, он способен был накричать на своих домашних или на собеседника, после чего часто каялся и просил прощения совершенно по-детски. Терпимость была не из его добродетелей, хотя вообще добродетелей у него было много. Об его общественных заслугах я скажу ниже. Что касается дарований отца, то они были разнообразны. Он был талантливый ученый, в своей второстепенной науке – ботанике (систематика растений) сделал довольно много, но успел бы еще гораздо больше, если бы не отвлекала его широкая общественная деятельность и многообразные семейные обязанности. Книги его написаны хорошим литературным языком, описание растений метко и образно. Его лекции чрезвычайно охотно посещались. Слушателей у него всегда было много. Не обладая красноречием, он привлекал широтой научных взглядов и обобщений. Особенно любили и ценили студенты его общий курс и вступительные лекции. Подробности он иллюстрировал на доске бойкими талантливыми рисунками, очень точно и художественно изображавшими части цветка или же все растение. К живописи у него было настоящее дарование. Он рисовал только акварелью, но его рисунки с натуры и наизусть карандашом и пером поражают смелостью и настоящей художественной правдой. Рисунки растений, предназначенные для его курса ботаники, удивительно тонки, изящны и точно воспроизводят натуру. В несколько минут он мог нарисовать все, что угодно: человеческую фигуру, животных, деревья, здания – все выходило у него характерно и живо. Надо заметить, что он учился рисовать только в гимназии, другими словами, совсем не учился. У меня сохранились кое-какие его рисунки. Остались после него и литературные опыты, к сожалению – все обрывки. Есть целые главы романа из времен его детства и юности, некоторые сцены несомненно талантливы. Стихов он почти не писал, если не считать тех шуточных виршей, которые он иногда сочинял для нашей потехи. Прибавлю еще, что он был не узкий специалист: он живо интересовался историей, которую хорошо знал, увлекался политикой, был далеко не чужд литературе и любил изобразительные искусства. К числу приятных легких талантов можно отнести его большую способность к языкам (он знал

французский и итальянский языки) и умение живо и весело рассказать любой эпизод из действительной жизни. Вообще он был обаятельный человек. Одной из причин этого обаяния была полная бесхитрость и детская доверчивость. Иногда он бывал резок и раздражителен, но груб никогда. Будучи истым барином и белоручкой, выращенный в богатом помещичьем доме и в крепостном быту, он называл горничных «сударыня» и никогда не бранился. К женщинам относился с величайшей симпатией и высоко их ставил. «Мужчины любят самоотвергаться с треском, – говаривал он, – а женщины делают это незаметно». Недаром так ратовал он за высшее женское образование. Но я уверена, что курсовые комитетские дамы – красавица А. П. Философова, обаятельнейшая В. П. Тарновская и очень некрасивая, но аристократическая Н. В. Стасова² и другие дамы – любили его не только за горячую и энергичную поддержку в их деле, но также и за его барственную и приятную наружность и милую старинную любезность изящным французским языком и почтительными комплиментами, вроде следующих. Как-то летом в Шахматове одна из подруг моих сестер сказала: «Вот удивительно: ко мне на щеку села бабочка!» – «Сударыня, она приняла вас за розу», – сказал отец.

Те приятные таланты отца, о которых я говорила, часто служили к тому, чтобы забавлять собственных детей. Я помню, как в детстве, когда мне было лет 5 или 6, а остальным приблизительно 7, 9 и 11, отец рассказывал нам сказку собственного сочинения. В ней не было ни фабулы, ни завязки. Это были различные эпизоды, которые сочинялись много дней сряду и не имели между собой никакой связи, но касались одного и того же лица. Сказка называлась «Принц Балдахон». У принца, конечно, был замок и множество слуг. То он ездил на охоту (один эпизод), то на него напали разбойники (другой эпизод), то <он> задавал пир и т. д....

Помню все это очень смутно. Все эти рассказы отец тут же иллюстрировал карандашом; есть рисунок, сделанный красной краской. У меня сохранился портрет принца Балдахона в широкополой шляпе с пером, с орлиным носом, курчавыми волосами, густой бородой и с усами, лицо мужественное и энергичное. На том же месте внизу голова негритенка. Это, конечно, один из слуг Балдахона. Помню рисунок охоты: Балдахон, едущий верхом по дороге со свитой. Это было едва намечено, но очень выразительно. Эпизод с разбойниками очень приняла к сердцу моя чувствительная сестра Соня (ей было тогда 9 лет), она даже плакала. Конечно, все кончилось полным благополучием, так что она скоро успокоилась. Кажется, у Балдахона была невеста Клотильда. Стиль не всегда соблюдался. Так, например, на маслянице вместо флага висел у Балдахона на башне замка гигантский блин. Красной краской была нарисована цапля среди болота и убитая дичь.

Во время рассказывания сказки отец лежал обыкновенно на диване, но для рисования, конечно, вставал и садился к столу. По временам рассказывалась еще одна сказка: «Мальчик Захарчик и девочка Спиридошечка». Все дело было в том, что они жили в лесу в избушке, а при ней был огород, где росли: капуста, морковь, огурцы и т. д., или: у них был сад. Там росла малина, земляника, клубника и т. д.... Не было даже никаких событий, но мы очень любили эту сказку.

Что касается домашних стихов, то тут отец придерживался какого-то особого стиля – не то архаического, не то уж не знаю какого. По большей части он разражался одностишием или двустышием вроде следующего: «Вот сер камень здесь лежит, кло которого мы были».

Но раз в жизни он написал шуточное стихотворение в 12 строк, которое было в письме, написанном мне из курорта Киссинген, где он пил воды, живя один и страшно скучая. Это было летом 1874 года, за год до нашего въезда в Шахматово. Мать наша была тогда в Содене (еще один немецкий курорт) с сестрой Катей, которую доктора послали туда лечиться от плеврита.

² Надежда Васильевна Стасова (1822–1895) – участница женского движения, одна из организаторов воскресных школ и высшего женского образования в России; Варвара Павловна Тарковская (1844–1913) – активная деятельница женского движения. Обе были членами совета Высших женских курсов.

Скажу мимоходом, что родители мои не признавали русских курортов, и, чуть что, везли детей или сами ехали за границу. Сестра Катя, конечно, отлично могла бы поправиться от обыкновенного плеврита просто в деревне у одной из тетюшек, а уж в крайнем случае в Крыму, но ее повезли в Соден. Три остальные сестры проводили лето в Финляндии под присмотром очень популярной в семье «тети Сони», старшей сестры нашей матери. Мы занимали верхний этаж дачи, в которой жил приятель отца, ботаник Воронин, со своими двумя дочерьми. Мне было в то время 12 лет, Асе 14, Соне 16. Но вернемся к письму отца из Киссингена. В начале его выражается одно из типичных для отца опасений: он боялся, как бы я не вывалилась из экипажа во время поездок на купанье, о которых я ему писала. «Ты можешь упасть в канаву и ушибиться, – писал он, – это мне представляется, когда я дольше обыкновенного не получаю от вас писем, как, например, теперь.

Здесь же давно стоит свежая и даже холодная погода, дождь, как, например, теперь, идет беспрестанно. Эта новая скука прибавляется к прежней, а потому я сочинил следующее стихотворение:

Смертна скука в Киссингене,
Давит мя уже давно.
Но болят мои колени,
Что нимало не умно.
Пью слабительную воду,
Без нее бы обойтись,
Но теперь вошло уж в моду,
Чтоб в Германию все брысь.
Во Германии же мерзко,
Немец всюду там торчит.
А кому же неизвестна
Скука, коей он разит.
и т. д., и т. д.»

Отношение к немцам у моего отца было отрицательное, хотя он признавал великие заслуги их писателей, философов и ученых. То ли дело французы! Этих он любил страстно, а к Парижу питал особую нежность.

Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.
Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж.

(Ал. Блок, т. I стихов.
«Светлый сон, ты не обманешь»)

На этот раз судьба сжалилась над отцом: из скучного немецкого курорта он попал в Биарриц, где в один сезон вылечил в океане свой ревматизм. А, впрочем, ему невесело было и во французском Биаррице. «Я буду просить, чтобы меня на море не посылали», – пишет он в приведенном письме. Доктора он, однако, послушался и таки поехал на морские купанья, что действительно было ему очень нужно, так как ревматизм донимал его не на шутку, а он не привык болеть. Это единственная болезнь, которую я помню у отца до 67-летнего возраста. К обрисовке отца как семьянина и человека я прибавлю, что в нем не было ни малейшей свет-

скости; его любезность, радушие и привлекательность были совершенно естественны: он не способен был притворяться и лицемерить: если ему было приятно с гостем, он был очень мил, но если ему было с ним скучно, он откровенно сердился или просто уходил от него при малейшей возможности. Вообще все его добрые качества происходили только от хорошей натуры. Все, сказанное об отце, делало его любимцем и в семье, и в обществе. Очень любили его также студенты и молодые ученые, ученики его. Сам он чрезвычайно любил молодежь и в особенности детей.

Затем я должна сказать хоть вкратце об его общественной деятельности. Без этого портрет его был бы не полон, так как общественность была у него в крови. Он никогда не ограничивал свою деятельность узким кругом известных обязанностей, но всегда расширял ее, превращая всякое частное дело в общественное. Будучи профессором ботаники, он проявил энергичную организаторскую способность и совершенно преобразовал устарелые способы преподавания своего предмета. До него при университете не было никаких пособий по ботанике, и потому практические занятия сводились к нулю. Его стараниями, благодаря исключительно его инициативе и энергичным хлопотам и заботам, создан при Петербургском университете ботанический уголок, сыгравший огромную роль в деле преподавания и распространения ботанических знаний. Отец добился того, что тогдашний кадетский корпус безвозмездно уступил университету большой участок земли, находившийся за стенами учебного плаца. На этом участке разведен был ботанический сад и построен трехэтажный дом, который стоял на высоком месте как раз посередине участка. К дому примыкали три небольшие оранжереи, где были, между прочим, прекрасные пальмы и древовидные папоротники. По одну сторону ботанического дома был разбит обыкновенный сад с искусственным прудом, аллеями и цветниками; большая часть другой стороны была занята ботаническим садом, разделенным на квадраты с образчиками всевозможных растений, по которым студенты учились систематике. В этой стороне у стены, примыкавшей к университетскому двору, оставалось довольно большое пустое пространство, где росло несколько гигантских деревьев. Это были осокори екатерининских времен, со стволами во много обхватов шириной и могучими ветками, затенявшими весь участок.

Эти великолепные деревья погибли лет 15 спустя после устройства ботанического уголка. Их корни засыпали известкой и щебнем во время постройки химического дворца, белое здание которого возвышается вдоль стены перпендикулярно той, у которой стояли осокори. Весь сад расположен против университетской галереи, по ту сторону двора.

В ботаническом доме были кабинеты профессоров, аудитории студентов, квартиры учебного садовника и лаборанта. Дом был снабжен всевозможными пособиями, в числе которых был гербарий, составленный из среднеазиатских коллекций тестя отца – Карелина, и несколько сот больших ботанических таблиц, художественно исполненных акварелью.

Помню, как в детстве моем разбирали в профессорской квартире отца дедовский гербарий, причем мать моя делала своим четким, красивым почерком латинские надписи на полосках бумаги и наклеивала их на листы гербария. Ботанические таблицы рисовала у нас на квартире и на даче в Шувалове талантливая художница-самоучка Е. П. Ипатова. Эта оригинальная и симпатичная девушка была другом нашей семьи. Она очень любила моих родителей. С отцом она была в товарищеских отношениях, называла его «Бей среброгивый» и высоко ценила как ученого и человека. К матери нашей она относилась с восхищением и нежностью, была с ней на ты и звала ее Лизочкой. Екатерина Петровна была весела, простодушна и отличалась мужским складом характера. Большая физическая сила и звучный контральт тенорового тембра дополняли это впечатление. Она была гораздо больше мужчина, чем женщина, и мужчина очень хороший – с открытой, честной душой, великодушный и смелый. У нее был хороший голос и прекрасный слух, и я особенно любила слушать ее безыскусственное, но музыкальное пение.

Увлечшись описанием этого своеобразного существа, я отвлеклась от темы. Дело шло о ботанических таблицах. Екатерина Петровна срисовывала на большие листы ватманской бумаги наколотые кнопками на доску типичные растения какого-нибудь рода или вида, а также все его составные части в сильно увеличенном виде, а я с восторгом следила за ее работой. Кроме этих пособий, студенты пользовались также микроскопами и набором тонких инструментов для препарирования растений. В то время столь тщательно обставленных ботанических аудиторий не было не только в русских, но и в заграничных университетах. Сколько же нужно было энергии для того, чтоб добиться таких результатов у нас в России!

Создав целую школу ботаников-систематиков и ботаников-географов, отец с увлечением отдался идее поднятия общего уровня научных знаний в России. При его горячем содействии возникли Съезды естествоиспытателей и Общества естествоиспытателей при русских университетах. Первый Съезд естествоиспытателей и врачей был открыт в стенах Петербургского университета 1867 году. Андрей Николаевич был одним из делопроизводителей Съезда и председателем распорядительного комитета. Хлопот было много. Приходилось заботиться о помещении для иногородних гостей, и о программе Съезда, и об организации экскурсий для осмотра научных коллекций, лабораторий, заводов и прочего. Вслед за этим последовала работа в Обществе естествоиспытателей. Андрей Николаевич председательствовал в Ботаническом отделе, редактировал труды Общества, многие годы состоял президентом Общества естествоиспытателей – и все это со свойственной ему страстью и добросовестностью. Заседания Ботанической секции происходили обыкновенно в Красном доме Университетского ботанического сада. Помню, как весело собирались туда мой отец и один из друзей нашего дома, ботаник М. С. Воронин, известный в то время богач, владелец Воронинских бань, но скромнейший человек, более всего заинтересованный своими научными исследованиями, составившими ему европейское имя. В этом уютном Красном доме, который отец называл по-итальянски *Casa rossa*, он занимался наукой и читал лекции, проводя там по несколько часов в день.

Я не могу слишком долго останавливаться на общественной деятельности отца. Она столь разнообразна и обширна, что для подробного описания ее понадобилась бы целая книга.

Приходится ограничиться краткими заметками.

Глубокий интерес Андрея Николаевича к народному образованию выразился в его деятельности в Вольно-экономическом обществе и состоящем при нем Комитете грамотности. Андрей Николаевич написал известную популярную брошюру «Беседы о земле и тварях на ней живущих», за которую получил Киселевскую золотую медаль³. Работал он также как публицист, печатая в газетах статьи о значении естествознания для общего образования и развития, защищал Университетский устав 63 года, написал большую статью о положении студентов и необходимости для них корпоративных организаций.

Великую горячность проявил Андрей Николаевич в деле насаждения высшего образования женщин. Далеко не все, вероятно, помнят, что на первом Съезде естествоиспытателей и врачей была подана Евгенией Ивановной Конради записка, в которой она отстаивала право женщин на высшее образование⁴. Андрей Николаевич внес эту записку в Комитет съезда и прочел ее на общем собрании. На следующий год 400 женщин подали записку на имя ректора Петербургского университета, прося допустить их в университет в свободное от занятий время. Тогда коллегия профессоров организовала целую комиссию для обсуждения этого вопроса под председательством Андрея Николаевича. Его сочувствие этому делу разделяло большинство профессоров Петербургского университета. Просьба женщин была принята. Во всех дальнейших шагах, предпринятых по этому делу, Андрей Николаевич был, так сказать,

³ В библиотеке Блока было издание этой книги: А. Н. Бекетов. Беседы о земле и тварях, на ней живущих. 7-е изд. СПб., 1898 (*Библиотека*, вып. 1, с. 27).

⁴ Конради Е. И. (1838–1898) – известная либеральная общественная деятельница. Ее записка получила в то время широкий отклик. См.: Е. Г. Бартенева. Евгения Ивановна Конради (Из воспоминаний старой знакомой) – «Женское дело», 1899, № 1.

застрельщиком. По его ходатайству министр народного просвещения граф Д. А. Толстой решил организовать популярные научные курсы для женщин, предоставив для этого нижний этаж собственной квартиры. Сначала допущены были публичные лекции для лиц обоего пола.

Во главе этого скромного учреждения стоял Андрей Николаевич. Открытие курсов состоялось в начале 1870 года, а в 1876 году было разрешено Александром II открыть Высшие женские курсы во всех университетских городах России. Через два года курсы были открыты в помещении Александровской женской гимназии. В течение 10 лет Андрей Николаевич состоял председателем педагогического совета Бестужевских курсов, привлекая к преподаванию лучших профессоров университета. Он же был избран председателем комитета по доставлению средств высшим женским курсам. Нечего и говорить, что он сам был в числе профессоров, читавших на курсах. Он же выхлопывал субсидии у министра и городской Думы, ходатайствовал о расширении трехгодичного курса до размеров четырехгодичного и т. д. Словом, везде и во всем, касающемся этого начинания, он приложил свою руку и сыграл первенствующую роль. Высшие женские курсы в Петербурге по всей справедливости нужно было бы назвать Бекетовскими, но во главе их был поставлен по воле министра талантливый историк К. Н. Бестужев-Рюмин, более отвечавший тогдашним понятиям правительства о благонамеренности; отец мой считался человеком опасным и беспокойным: он беспрестанно тревожил власти по тому или иному делу учащейся молодежи. Хорошо и то, что его терпели, а иногда и слушались. И то сказать: трудно было устоять перед его неугомонной настойчивостью и горячностью. А впрочем, не последнюю роль играло тут, вероятно, и личное его обаяние, которому поддавались такие люди, как министр Д. А. Толстой, попечитель князь Волконский⁵ и другие консервативные деятели того времени.

Во времена своего ректорства (1876–83 гг.) отец ревностно опекал студентов от козней полиции. Горячие головы, говоруны, ораторствовавшие на сходках, карманы которых вечно были набиты прокламациями «Народной Воли», беспрестанно попадали в Дом предварительного заключения. В таких случаях отец надевал виц-мундир с заранее пришпиленной звездой и отправлялся к градоначальнику с неотступной просьбой отдать студента к нему на поруки. За шесть лет его службы на посту ректора сменилось их несколько: Гурко, Зуров и Трепов⁶. Студентов по большей части отпускали на свободу по просьбе ректора. Смешной случай произошел при Трепове. Отец рассказывал, что во время его градоначальства в течение одного года несколько раз сажали в знаменитую предварилку студента Штанге, бедняка и неисправимого шумилку, совершенно, в сущности, безобидного. Не знаю уж в который раз отпуская этого Штанге на поруки, Трепов воскликнул так громко, что отец все слышал, дожидаясь в приемной: «Опять ректор Бекетов!» Выслушав ходатайство Андрея Николаевича, он послал за студентом и, когда его привели, повернул его лицом к ректору и закричал с раздражением: «Вот он! Вот он! Целуйтесь с Вашим Штанге!» Но забавнее всего было то, что когда Штанге ехал на извозчике домой в сопровождении ректора, он был очень огорчен и пенял ему: «Андрей Николаевич, зачем Вы меня взяли? Там публика-то была какая хорошая!»

Был еще один студент несколько другого типа, из состоятельных, но такой же любитель сходок и прокламаций, как Штанге. Этого звали Бонч-Осмоловский. И его не раз выручал отец. Он благополучно кончил курс и уехал на родину. И вот однажды отец получает с почты ценную посылку: что-то тяжелое и объемистое, зашитое в рогожу. С недоумением распаковали мы эту вещь, и что же? Оказалось, что это дедушка Бонч-Осмоловского посылает из какого-

⁵ Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) – министр народного просвещения в 1866–1880 гг.; Михаил Сергеевич Волконский (1832–1909) – попечитель Петербургского учебного округа; Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) – историк, академик. Об истории Высших женских курсов см.: Высшие женские (Бестужевские) курсы. Библиографический указатель. М., 1966.

⁶ Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901), Александр Елпидифорович Зуров (1837–?), Федор Федорович Трепов (1812–1889) – градоначальники в 1876–1883 гг.

то среднеазиатского города большой текинский ковер в благодарность за попечение ректора о его внуке. Ковер этот много лет украшал кабинет отца в различных квартирах. Но верхом искусства отца по части его забот об обиженных правительством студентах был тот случай, когда он добился того, что некий студент 4-го курса, посаженный в крепость, был допущен, по его ходатайству, к выпускным экзаменам. Студента привозили всякий раз из крепости в сопровождении двух жандармов, и он выдержал таким образом все экзамены, кончив курс кандидатом.

К тому времени, как отец сделался ректором (1876 год), он приобрел уже большое влияние среди товарищей – профессоров и студентов, а, кроме того, – что имело особую важность в то время – был уже в чинах и имел несколько орденов, в том числе Владимирскую Звезду, которую он обыкновенно надевал на виц-мундир, отправляясь по делу в чиновный мир. Мундир парадный он надевал очень редко, в самых торжественных случаях. Этот куцый и узкий мундир с белыми штанами не шел к его мужественной фигуре, длинным и пышным волосам и большой бороде. Все это было очень хорошо, когда он был в сюртуке, в пиджаке и даже во фраке, так как у отца была очень красивая фигура и характерная голова, выделявшаяся в толпе. «Schoner Kopf»⁷, – сказал какой-то немецкий ученый, глядя на портрет отца с пышными сединами, оттененными темным фоном.

Лекции отец читал в сюртуке или пиджаке, как большинство тогдашних профессоров. В то время и студенты не имели еще формы, которая так обезличила их впоследствии и создала известный тип белоподкладочника. В 1876 году, когда отца выбрали ректором на первое 3-летие, ему был 51 год, но он был уже совершенно седой. Сделавшись ректором, отец имел чин по крайней мере действительного статского советника. Он не придавал никакого значения орденам и чинам и нисколько не важничал, но считал, что то и другое полезно для его деятельности. «Я теперь важное рыло», – говорил он про себя. В то время он бывал в Зимнем Дворце на придворных балах, а, кроме того, получил приглашение преподавать ботанику сыновьям Александра II Сергею и Павлу. Ботаника была, разумеется, самая легкая, но, конечно, нисколько не интересовала великих князей, которые занимались главным образом военными делами, лошадьми и, вероятно, танцовщицами. Но молодые люди охотно разговаривали с Андреем Николаевичем Бекетовым, который не упускал случая вернуть в разговор анекдот о царе Николае Павловиче, не рекомендуя его с хорошей стороны. Один из этих анекдотов касался посещения Николаем Павловичем того пансиона дворянских детей, преобразованного впоследствии в первую гимназию, где учился отец. Войдя в подъезд, царь был встречен учителем французского языка, старым и глухим человеком, который разговаривал при помощи рожка. Француз подошел к царю и, не слыша, разумеется, что он сказал, наставил свой рожок, причем Николай Павлович громко прокричал ему в ухо: «Aux arrest!»⁸ «За что же?» – спросили удивленные и еще не искушенные жизнью великие князья. Отец, разумеется, ничего не ответил и только неопределенно пожал плечами. Не помню, сколько отец получал за эти уроки. Кажется, рублей десять за час, но два раза он получил к своим именинам (30 октября стар, стиля) роскошные подарки: массивный серебряный сервиз с его инициалами и большую золотую табакерку с крупными бриллиантами и буквой N, инкрустированной на синей эмали. Сервиз сначала употреблялся, а потом часто закладывался. Табакерка, конечно, не употреблялась, но тоже была не раз заложена. Эти вещи, конечно, давно уже не существуют в нашей семье: что пропало в закладе, что в сейфе во время революции⁹.

Итак, отец был важной персоной. Свое влияние, как ректор университета, он использовал главным образом в интересах студентов. Он был чрезвычайно любим и уважаем не только

⁷ Красивая голова (*нем.*).

⁸ Под арест! (*фр.*)

⁹ Имеется в виду национализация ценностей, в том числе и принадлежащих частным лицам, хранившихся в банках.

своими учениками, но и студентами других факультетов. Главным образом для сближения с ними устроил он наши еженедельные субботние вечера. В общении со студентами он был прост и сердечен. Во время субботних вечеров он вел в своем большом и уютном кабинете длинные горячие беседы со студентами на различные темы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.